

Алексей Козлов (Тарту)

**«Имею причины бояться, что мои беллетристические работы ему не нравятся»:
письма Н. Д. Ахшарумова к А. Н. Пыпину
и М. М. Стасюлевичу**

Alexey Kozlov (Tartu)

**“I have Reasons to Fear that he does not Like
my Fictions”: Letters from Akhsharumov
to Pypin and Stasyulevich**

Резюме. В статье рассматривается кратковременный эпизод из истории формирования литературной репутации критика и писателя Н. Д. Ахшарумова в 1880-е гг. Оказавшись в затруднительном материальном положении и взяв ссуду Городского кредитного общества, Ахшарумов столкнулся с необходимостью интенсивной литературной работы. Вместо привычной «Нивы», где он обладал должным для беллетриста тонкого иллюстрированного еженедельника символическим капиталом, Ахшарумов обращается к редакции «Вестника Европы». Переговоры Ахшарумова и Пыпина, после многочисленных остановок, завершаются публикацией в журнале повести «Всесловная семья». Особенно примечательными в этой истории становится не стиль или поэтика заведомо вторичного и неудовлетворительного в литературном отношении текста (ориентированного на читателя «Нивы», а не «Вестника Европы»), а письма Ахшарумова в редакцию. Униженное положение беллетриста-просителя, маленького человека литературного мира явным образом контрастирует с более ранними письмами того же адресанта П. В. Быкову или А. С. Суворину. В статье восстановлена хронология, сопровождающая публикацию произведения в журнале. В приложении приведены письма Ахшарумова, адресованные А. Н. Пыпину и М. М. Стасюлевичу. Письма приводятся в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

Ключевые слова. Ахшарумов, вторичность и альтернативность, Стасюлевич, Вестник Европы.

Abstract. The article deals with a brief episode from the history of the formation of the literary reputation of the critic and writer N. D. Akhsharumov in the 1880s. Once in a difficult financial situation and to get a loan from the Municipal Credit Society, Akhsharumov started intensive literary work. He did not send his story “The All-Class Family” to *Niva*, where he usually published his works, but he chose the journal *Vestnik Evropy*. The story itself was secondary and did not have serious stylistic merits. Most likely, it was written for the reader of *Niva*, a consumer of mass literature and fiction. However, Akhsharumov’s letters to the editors deserve special attention. Modest position of supplicant, a little man in the literary world, clearly contrasts with earlier letters the same destination, P. V. Bykov or A. S. Suvorin. The article restored the chronology accompanying the publication of the work in the magazine through letters from Akhsharumov to A. N. Pypin and M. M. Stasyulevich. Letters comply with modern rules of spelling and punctuation.

Keywords. Akhsharumov, secondary and alternativeness, Stasyulevich, Vestnik Evropy.

История публикации повести Н. Д. Ахшарумова «Всесословная семья» в журнале «Вестник Европы» (1885. №9—12) до сих пор не привлекала внимания исследователей. Ничем не примечательное произведение, не встретившее ничего, кроме иронических отзывов современников, было первым, которое к тому времени уже достаточно опытный критик и беллетрист после 35 лет практически непрерывной литературной деятельности поместил в журнале М. М. Стасюлевича и А. Н. Пыпина.

В начале 1880-х гг. Ахшарумов довольно регулярно печатал свои произведения в иллюстрированном еженедельнике «Нива» и получал, судя по его письмам, довольно значительные выплаты. Так, например, отвечая на предложение П. В. Быкова стать постоянным сотрудником журнала «Живописное обозрение», Ахшарумов писал:

«Прочный успех издания («Нивы». — А. К.), обеспечивающий его сотрудникам 100.000 читателей; во главе редакции человек со вкусом¹, с которым я не имел до сих пор ни малейших неудовольствий, — 150 рублей с листа, и, наконец, любезность, с которой мне выдают без разговора денежные авансы за вещи, не только не конченные, но в действительно даже едва затеянные и печатание которых не ожидают раньше как через год; могу ли я не ценить всего этого? И не странно ли было бы разойтись с журналом из-за неясных надежд на место в другом, куда еще не существующем, и от которого я не знаю даже чего я могу ожидать?» [ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 38: 5—6].

Это давало писателю основание вести переписку с издателями других журналов несколько свысока, особенно позиционируя свою независимость. Однако к 1885 г., после временного разрыва Ахшарумова с «Нивой», ситуация начала меняться: финансовое положение писателя ухудшилось, что заставило его взять ссуду у Городского кредитного общества. Это сказалось и на тоне писем к издателям: вместо разговора «на равных» здесь отчетливо проступает фигура просителя, маленького человека литературного мира.

Именно в таком положении Ахшарумов предпринимает попытку опубликовать свою повесть (написанную, очевидно, для «Нивы») в толстом журнале «Вестник Европы»².

Исходя из приведенных далее писем³, можно восстановить следующую хронику событий: в феврале 1885 г. Ахшарумов оставляет в редакции «Вестника Европы» свою визитную карточку (1), письмо (2) и, предположительно, рукопись. Понимая,

¹ Имеется в виду Ф. Н. Берг (1839–1909), бывший на протяжении десяти лет редактором «Нивы» (1878–1887).

² Судя по сюжету произведения, Ахшарумов механически соединил три самостоятельных замысла: 1) детективная история о крестьянах-поджигателях, включающая в себя описание преступления, расследования и суда; 2) романтическая история о сылке подозреваемого в агитации чиновника Неплёткина, который отправляется на войну и погибает под Плевной (сопровождается героическим пафосом); 3) фантастическая история о сумасшедшем друге погибшего, увлекшемся спиритизмом (осложняется сентиментально-патетической линией, связанной с тем, что погибший друг оказывается любовником жены). Три этих сюжета слабо связаны между собой, что, возможно, усилило затруднительность положения Ахшарумова.

³ Цифрами в скобках обозначены приведенные ниже письма.

что решающее слово остается за Стасюлевичем, беллетрист тем не менее пытается заручиться поддержкой его помощника и со-редактора Пыпина, отправляя ему письмо (3), где, в частности, просит дать однозначный ответ. Судя по следующему письму (4), судьба рукописи еще не была решена в начале мая и Ахшарумов думал о помещении своего произведения в других периодических изданиях. Впрочем, вполне возможно, это было уловкой, довольно характерной для беллетристов, свободных от «литературных партий» и предпочтений. В этом же письме речь идет о финансовых условиях (Ахшарумов получил 130 р. за лист, хотя планировал продать повесть за привычные для него 150 р. за лист). 22 мая состоялась встреча в редакции, во время которой Ахшарумов получил утвердительный ответ не только от своего непосредственного адресата — Пыпина, но и от Стасюлевича. Оговаривая условия, стороны пришли к соглашению о цене и издании повести отдельной книгой. Тогда же беллетрист упомянул о незавершенном пока эпилоге, который должен будет появиться не в журнальной, а книжной публикации.

Переписка возобновляется через три месяца, в конце августа 1885 г., когда Ахшарумов отправляет Пыпину эпилог к своей повести (5). После встречи и второго личного обсуждения беллетрист приходит к выводу, что редакция «Вестника Европы» не готова к тому, что его повесть будет напечатана отдельным набором и обращается с письмом к Стасюлевичу (6). Боясь, что оно не найдет адресата, Ахшарумов отправляет копию Пыпину (7). Стиль этих писем отличается незначительно, но в первом письме многие формулировки даны более категорично. В это же время Пыпин, прочитавший эпилог, находит его неудовлетворительным (8), что приводит к необходимости «радикально переработать рукопись» (9). Впрочем, вполне возможно, эпилог осознавался редакцией как искусственное прибавление по той причине, что изначальная финансовая договоренность касалась рукописи без этой части текста и распространялась только на ноябрьскую книгу журнала. Различные дополнения к имеющемуся в наборе тексту, равно как и его продолжение в декабрьской книге, вероятно,

не входили в планы редакции, к тому же предполагали усложнение исходных условий. Тем не менее, во многом понимая для себя финансовое значение этой части произведения, Ахшарумов делает все возможное, чтобы эпилог к повести появился в печати. Мы не располагаем исходной рукописью, но отталкиваясь от журнальной публикации и замечаний в письме, можем предположить, что значительным сокращениям подверглась та часть эпилога, в которой прозаик обращался к довольно привычным для него фантастическим мотивам («путешествие в страну счастливых скотов», вероятно, описанное в дневнике сходящего с ума героя). Таким образом, уступка Ахшарумова носила не только финансовый, но и символический характер. В последнем публикуемом письме к Пыпину (10) и во втором письме Стасюлевичу (11) он опять возвращается к финансовому вопросу, называя примерную сумму, которую планировал бы получить за эпилог. Ноябрьская и декабрьская книги «Вестника Европы» свидетельствуют об успешном завершении этих переговоров; более того, в дальнейшем Ахшарумов напечатал в этом же журнале свою повесть «Конец с красной меткой» (1889. № 8).

Письма приводятся в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Письма к Александру Николаевичу Пыпину хранятся в рукописном фонде РНБ (Ф. 621, ед. хр. 50), письма к Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу в рукописном фонде ИРЛИ (Ф. 293, Оп. 1. Ед. хр. 178).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Николай Дмитриевич
АХШАРУМОВ

желал бы, если возможно, видеть
Александра Николаевича не в редакции
Сергиевская № 54, кв. 24

2

21 февраля 1885

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Я желал видеть Вас, только чтобы узнать, нет ли каких-нибудь препятствий к помещению моей повести в Вашем журнале, которые сделали бы для Вас излишним труд читать ее в рукописи. Но так как во всяком случае мне невозможно быть у Вас раньше следующей недели, и Вам бы пришлось, может быть, для этого еще раз писать, то не будете ли Вы так любезны, написать мне уже лучше прямо: когда я могу явиться к Вам за ответом — если Вы думаете прочесть мой труд, или куда я могу приехать за оставленною у Вас рукописью. Желание видеть Вас вне редакции объясняется только моим опасением затруднить еще один лишний раз Михаила Матвеевича. Имею некоторые причины бояться, что, может быть, мои беллетристические работы ему вообще не нравятся, и что он, может статься, избегает меня и боится сказать это чистосердечно, — я и желал предварительно видеться с Вами.

Преданный Вам
Н. Ахшарумов

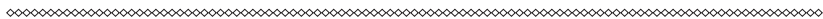
3

8 марта 1885

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Обстоятельства, от меня не зависящие, заставляют меня спешить с вопросом о помещении моей повести; но, тем не менее, я не позволил бы себе затруднять Вас по прежней просьбе, с которой я обращался к Вам в письме от 21 февраля, если бы вероятность поладить с «Вестником», судя по прецедентам, не представлялась мне так мала. Много обяжете назначить мне, буде возможно, время, когда я должен явиться к Вам за ответом, в случае, если ответ не может быть сообщен письменно, в двух словах.

Преданный Вам
Н. Ахшарумов

4

2 мая 1885

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Очень хотелось бы повидаться с Вами, но я не здоров и не смею выехать по такой холодной погоде и так далеко, не рискуя слечь. Пишу Вам еще раз о повести. В «Деле» мне за нее дают 150 рублей с листа, но денег я не могу получить до напечатания. Остается редакция «Русской мысли» в Москве; но я там буду не раньше как через месяц. Невольно приходит в голову, что, быть может, не поздно еще сойтись с Михаилом Матвеевичем. Не согласится ли он заплатить за повесть вперед 1.200 рублей? Это меньше того, что я получил бы в «Деле» (лист у них много меньше), и по счету Вестника может составить не больше 150 рублей с листа.

Разница против того, что М. М. мне предлагал, как видите, очень невелика, но для меня время уплаты — важный вопрос, и я был бы Вам глубоко благодарен, если бы Вы помогли решить это утвердительно. К М. М. я не решаюсь писать, так как боюсь, что за городскими делами в думе, ему сейчас не до того.

За сим простите великодушно, если я Вам надоед, с моею повестью, но что же делать? Мне кажется, что она была бы больше всего на месте в Вашем журнале.

Искренне Преданный Вам
Н. Ахшарумов

5

23 августа 1885

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Посылаю Вам «Эпилог» к моей повести с покорной просьбой прочесть его в рукописи. Не взирая на фантастическую окраску иных страниц, я надеюсь, что Вы не найдете в нем ничего, кроме реальной картины. Сюжет его: человек, который сходит с ума, и на этой канве я пытался изобразить умственную распутицу нашего времени. Кроме связанного с Вашей оценкой делового вопроса меня весьма интересует и личное Ваше мнение. А потому Вы лично меня обяжете, сообщив мне его чистосердечно, хотя бы в самых коротких словах.

Конец, в размере, не свыше общей, последней главы, готов у меня вчерне и хотя не улажен еще добром, что для переписки надобно, но это дело одной недели, в сущности же, я полагаю, развязка и так легла.

Искренне преданный Вам
Н. Ахшарумов

Многоуважаемый Михаил Матвеевич,

Спешу оправдаться в недоумении, о котором я только вчера узнал. Вопрос об отдельном издании моей повести, как Вы помните, был предметом особого и довольно подробного обсуждения, при нашем свидании, 22го мая, в редакции, в присутствии А.Н. Пыпина⁵. В итоге Вы обещали мне⁶ Ваше содействие, чтобы избавить меня⁷, от излишних расходов и от случайностей, связанных с предварительной цензурой. Помню, что я просил Вас о напечатании отдельного издания, как это нередко делается, тем же набором, и хотя не могу повторить дословно подлинных выражений, в каких была сделана эта просьба⁸, но смею уверить, что Ваш ответ не оставил во мне никакого сомнения в Вашем согласии. К несчастью, как теперь очевидно, при этом случилось одно из двух: или Вы не расслышали в точности содержания моей просьбы, или я не понял ответа, который я от Вас получил⁹. Но если с моей стороны была подобного рода ошибка, то все остальное, что было говорено об¹⁰ отдельном издании, не дало мне никакой возможности догадаться, что мы с Вами не понимаем друг друга. Вы говорили о разного рода цензурных стеснениях, которые затрудняют дело, между прочим, о том, что в рукописи моей нет установленных 10-и листов¹¹, и что хотя для журнала это не составляет разницы, но для отдельного издания корректуры необходимо будет каждый раз до напечатания предоставлять в цензуру. Понимаю, что затруднение это могло бы иметь серьезный смысл¹² только в том случае, если издание было бы сделано тем же набором, что и оставило меня в том, как теперь оказалось, ошибочном¹³ убеждении, что Вы имеете в виду именно этот случай. Тогда я сказал Вам, что затруднение это легко устранимо, так как я и без этого имею в виду для отдельного издания эпилог, около 2 или 2½ листов журнальной печати, прибавка которого доведет издание до раз-

⁴ Приводится оригинал письма, отправленного Стасюлевичу (Ф. 293, оп. 1. Ед. хр. 178). В примечаниях приведены варианты, обнаруженные в копии письма, отправленного Пытину (Ф. 621, ед. хр. 50).

⁵ ... в редакции, и Вы обещали мне ...

⁶ ... обещали мне самым любезным образом...

⁷ ... с одной стороны, от излишних расходов, с другой...

⁸ ... с моей стороны...

⁹ ... я на нее получил...

¹⁰ ... о том же...

¹¹ ... печатных листов...

¹² ... действительно иметь смысл...

¹³ ... в том убеждении...

мера, избавляющего его от предварительной цензуры, — и предположение это было не только одобрено Вами, но Вы даже заключили, что такая прибавка даст отдельному изданию повести самостоятельный интерес. И это опять-таки утвердило меня в убеждении, что Вы не имеете никакого препятствия допустить печатание тем же набором, — ибо какой же смысл иначе мог бы иметь для меня весь этот вопрос о размере не меньше 10 печатных листов и о средствах довести издание до такого привилегированного объема? Если бы дело шло о печатании особым набором, то и вопросы о размере¹⁴ были бы излишни, ибо из рукописи в 8 печатных листов большого формата нет ни малейшего затруднения набрать в печати не только 10, но и 12 печатных листов.

Не заключайте, впрочем, из этого, что я хоть сколько-нибудь виню Вас в произошедшем недоразумении. Я только желал бы Вас убедить, что я в нем ни мало¹⁵ не виноват, ибо не мог и понять всего этого разговора в целом, иначе, как я действительно понял его.

Но дело этим не ограничивается; ибо ошибка, какова бы ни была исключительная, ставит меня в неопределенное и неприятное затруднение. «Эпилог» у меня готов и доставлен был А. Н. Пышину в рукописи 23 августа. (Вопрос, почему он не готов был раньше и не предложен редакции вместе с повестью, объясняется трудностью его содержания¹⁶: не зная, удастся ли он в том виде, какой я желал ему дать, не хотел усложнять вопроса гадательною прибавкою к тексту и без того вполне оконченной рукописи.)¹⁷ Но так или иначе, я не знаю теперь, что делать с этою новою рукописью, если она не войдет ни в журнал (А. Н. еще не успел прочесть ее), ни в отдельное издание повестью (за невозможностью последнего).

В таком затруднении¹⁸ я обращаюсь к Вам, Михаил Матвеевич, с убедительной просьбой уладить как-нибудь это дело. Я первый раз в жизни слышу о затруднениях в этом смысле со стороны Цензурного Ведомства, и мне невольно думается, что они, может быть, представляются Вам серьезнее, чем они действительно есть. Не найдете ли Вы возможным как-нибудь их устранить? И не будете ли Вы так любезны сообщить мне, что Вы об этом думаете, — раньше Вашего возвращения в Петербург, так как ускоренное против ожидания появления начала моей повести в «Вестнике» не допускает отсрочки.

Кстати, позвольте мне обратить Ваше внимание еще на одно обстоятельство. Тот факт, что повесть¹⁹ вышла раньше назначенного мною времени,

¹⁴ ...подобного рода...

¹⁵ ...в этом нисколько не виноват...

¹⁶ ...просто тем, что он был по содержанию очень труден...

¹⁷ Предложение исключено из текста.

¹⁸ И в таком затруднении...

¹⁹ ...начало повести вышло...

Письма Ахшарумова к Пытину и Стасюлевичу

и что при этом не сделано было совсем ничего²⁰ к реализации обещанного мне отдельного издания, заставляет меня невольно предположить, что как Вы, так и А. Н. Пыпин, совсем забыли о содержании нашего разговора на этот счет. Я же помню его почти дословно, и если считал излишним напомнить Вам о нем раньше времени, Вами назначенного (25-го августа, когда должно было начаться печатание октябрьской книжки)²¹, то только по той причине, что я не мог предвидеть случившегося.

С истинным уважением преданный Вам²²
Н. Ахшарумов

7

31 августа 1885

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Письмо к М. М. Стасюлевичу отправлено было на другой день после свидания моего с Вами, в редакции, в среду, 28 августа; в предположении, разумеется, что он вернется не раньше начала Сентября. Но сегодня я слышал от С. А. Никитенко, обедавшей у Гончарова, будто бы М. М. вернется сюда не позже 1-го сентября, то есть завтра. Если действительно это так, то письмо мое, разумеется, не застанет его на месте. Поэтому, чтобы поправить дело и выиграть время, я посылаю Вам с него копию, с нижайшей просьбою, прочитав, передать ее Михаилу Матвеевичу.

Преданный Вам
Н. Ахшарумов,

Будьте так любезны, сообщить мне Ваш новый адрес.

8

8 сентября 1885

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Посылаю Вам окончание «Эпилога» и надеюсь, что, прочитав его, Вы измените Ваше мнение о недостатке существенной связи с той частью, которая принята. Существенная черта этой части: — ненависть к главному действующему

²⁰ ...ничего...

²¹ ... (25-го августа)...

²² С искренним уважением и проч. (Подлинное отправлено было по адресу, за границу).

лицу хозяйки дома, в котором его застаёт рассказ, — имеет весьма положительную подкладку, которую я оставил в тени за недостатком поводов выводить наружу грехи г-жи Горностаевой. В эпилоге открытие это происходит само собой, как естественный результат с одной стороны ее мужественного характера, с другой, ее созревшей решимости положить, во что бы ни стало, конец тому ослеплению мужа, которое — основательно или нет — она считает главной причиной всех их несчастий.

Что касается до другого Вашего замечания, то я признаю его весьма основательным и охотно сделаю все возможное, чтобы им воспользоваться. Так, например, я намерен выпустить целиком все путешествие в страну «счастливых скотов», занимающее, если не ошибаюсь, более 10 страниц. Но для этого мне нужна на несколько дней та часть эпилога, которую Вы прочли, и я прошу Вас прислать ее тем же посыльным (который имеет на этот счет инструкцию), если он Вас застанет дома. Если же нет, то будьте любезны, пришлите с другим, не платя однако ему ничего, так как он все равно получит расчет от меня.

Искренно преданный Вам
Н. Ахшарумов

Посылаю Вам ответ М. М. Стасюлевича

9

13 сентября 1885

Многоуважаемый
Александр Николаевич

Возвращаю Вам рукопись, радикально исправленную и сокращенную. Убедиться в этом легче, чем кажется, потому что переделывалась только вторая тетрадь, в которой острый душевный недуг развивается, и больной доходит до галлюцинаций. О размере собственно сокращений Вы можете лучше всего судить по тому, что тетрадь эта содержала 30 страниц, а теперь в ней осталось всего 18. Сокращено должно быть около 10 печатных страниц.

Надеюсь, что Вы одобрите как размер, так и характер сделанных исправлений.

Искренно преданный Вам
Н. Ахшарумов

10

9 октября 1885

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Я до сих пор не получал еще корректуры ноябрьской книжки, и это меня тревожит. По обстоятельствам, которые я Вам объяснял при свидании, для меня очень важно, чтобы «Эпизод» был хоть начерно набран не позже 25-го октября, и я счел бы за величайшее одолжение, если бы Вы нашли возможность ускорить его набор; тогда бы я мог попросить от М. М. обещанные деньги (около 130 р.).

Искренно преданный Вам
Н. Ахшарумов

11

25 октября 1885

Многоуважаемый
Михаил Матвеевич,

Крайнее затруднение, в которое я поставлен как член Городского Кредитного общества (не допускающего теперь, по его выражению, «принципиально» прежнего платежа в рассрочку и вследствие этого вдруг потребовавшего от меня в течение одного октября-месяца оплаты около 400 рублей), вынуждает меня еще один раз обратиться к Вам с денежной просьбой. Не найдете ли Вы возможным выдать мне в конце этого месяца остальной гонорар? Думаю, что печатный размер статей, входящих в состав декабрьской книжки, к этому времени уже известен Вам в точности. Если же нет, то не найдете ли Вы возможным принять покуда мою приблизительную оценку. До сих пор она не превышала действительности, а именно, вместо 8 листов, в рукописи первоначально оказалось 8¼. Надеюсь, что и на этот раз я буду недалеко от истины, определив размер неоплаченного остатка, приблизительно в 130 рублей. Ошибка, во всяком случае, может быть лишь весьма незначительна, но, если бы она оказалась в Вашу пользу, я, разумеется, сочту долгом исправить ее.

Еще одна просьба: Будьте так любезны, подтвердите от Вашего имени типографии, чтобы она не забыла доставить мне на просмотр корректуру декабрьской книжки, как позабыла — при печатании ноябрьской.

Искренне преданный Вам
Н. Ахшарумов

* * *

Обращение к письмам Ахшарумова — беллетриста второго (а к концу жизни, возможно, и третьего) литературного ряда в настоящем случае свидетельствует, на наш взгляд, не об уникальности сложившейся ситуации и исключительном характере коммуникации между заинтересованными сторонами, а наоборот — ее типичности. При публикации писем мы исходили из того, что в них рельефно и наглядно отразились отношения издателя и не уверенного в себе и своих силах писателя, к тому же осознающего недостаточность символического капитала собственного имени.

Характерные канцеляризмы в письмах Ахшарумова, равно как и сама идея скрыть себя, подчеркнув свою незначительность, возвращает нас к сюжету о маленьком человеке. В сущности, этот сюжет был подсказан не социальной действительностью 40-х гг. XIX в., на чем настаивала вульгарно-социологическая критика, а миром литературных иерархий. Случай Ахшарумова — чиновника в отставке — довольно показателен в этом отношении: можно больше 35 лет работать в канцеляриях толстых журналов, но остаться перед литературными генералами робко ожидающим в передней коллежским секретарем²³.

СОКРАЩЕНИЯ

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ИРЛИ — Рукописный отдел Пушкинского дома.

Информация об авторе: Алексей Козлов, Тартуский университет, кафедра русской литературы, докторант; Тарту, Эстония; e-mail: alexeykozlov54@gmail.com

²³ В действительности, поступив на службу в чине губернского секретаря, Ахшарумов дослужился до помощника секретаря отделения, выйдя в отставку в 1845 г.

About the author: Alexey Kozlov, University of Tartu, doctoral student of Faculty of Arts and Humanities (Russian and Slavonic Philology); Tartu, Estonia; e-mail: alexeykozlov54@gmail.com